

САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

SAMARA UNIVERSITY

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»

ул. Московское шоссе, д. 34, г. Самара, 443086
Тел.: +7 (846) 335-18-26, факс: +7 (846) 335-18-36
Сайт: www.ssau.ru, e-mail: ssau@ssau.ru
ОКПО 02068410, ОГРН 1026301168310,
ИНН 6316000632, КПП 631601001

В объединённый диссертационный
совет Д 999.126.03, созданный на базе
ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет»,
ФГАОУ ВО «Новосибирский
национальный исследовательский
государственный университет»,
ФГАОУ ВО «Дальневосточный
федеральный университет»

690090, г. Владивосток,
ул. Суханова, д. 8, кампус ДВФУ

№ _____
На № _____ от _____

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

(кандидата юридических наук, доцента Поварова Юрия Сергеевича)
на диссертацию Рыкова Дмитрия Александровича
на тему «Недействительность сделок должника в деле о банкротстве:
гражданско-правовые аспекты»,
представленную на соискание учёной степени
кандидата юридических наук
по специальности 12.00.03 – гражданское право;
предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Одним из ключевых и эффективных механизмов достижения целей банкротства (прежде всего, с точки зрения справедливой охраны интересов различных кредиторов) выступает оспаривание совершенных несостоятельным должником сделок. Априорная и острая конфликтность конкурсного процесса, при том, что инвалидация совершённых должником сделок, по верному замечанию диссертанта, «...приводит к созданию, изменению и прекращению связей между экономическими субъектами и формированию серьезных социально-экономических последствий» (с. 3-4 диссертации), детерминируют необходимость «осторожного» и сбалансированного нормирования условий, порядка и последствий признания указанных сделок недействительными. Сказанное, а равно продолжающаяся модернизация законодательства о банкротстве в области полноценного содержательного «насыщения» института оспаривания сделок должника (что, конечно, аксиоматично предполагает вдумчивый научный анализ новых законоположений и практики их применения) и сохраняющаяся полемичность и (или) слабая разработанность многих теоретических и практических вопросов, имеющих прямо или косвенно выход на институт недействительности сделок, свидетельствует о перспективности и актуальности научных изысканий по избранной Д.А. Рыковым тематике.

Отсутствуют какие-либо поводы для того, чтобы усомниться в **научной новизне** «инспектируемого» диссертационного сочинения. Прежде всего, она выражается в обосновании оригинальной градации оснований оспаривания сделок несостоятельного должника по критерию вида (а точнее, полагаем, направленности) противоправности (при этом особенно принципиальным здесь видится автономизация пороков сделки, связанных с созданием искусственной долговой нагрузки) и в предложении целого ряда новых юридических конструкций («обычный рыночный дисконт» и др.). Новаторский характер работе также придаёт осмысление действующего нормативного материала (в том числе, в срезе тенденций формирования и развития на его основе судебной практики, порой – довольно неоднородной и противоречивой), по итогам которого выдвигаются «нестандартные» (и в основной своей массе – достойные поддержки) рекомендации по совершенствованию законодательства о банкротстве и корректировке правовых позиций высших судебных инстанций (по поводу содержания понятий «неравноценное встречное предоставление» и «заинтересованное лицо» и пр.).

Научные положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации на базе всестороннего исследования нормативных (включая иностранные) и доктринальных источников, а также предельно богатой и репрезентативной судебной практики, являются **достоверными** и, по преимуществу, отличаются **высокой степенью обоснованности**. Помимо прочего, «масштабированию» научных результатов в немалой степени поспособствовало то, что автор на протяжении всей работы обращается к изучению смежных («пересекающихся») вопросов (систематика юридических фактов, правовая природа действий по исполнению обязательств, сущность и пределы судейского усмотрения, понятие разумности и добросовестности и т.п.).

Позитивно должна быть оценена **структура** диссертации, обеспечивающая комплексное, достаточно полное и последовательное (в том числе, следуя классическому подходу «от общего – к частному») раскрытие многоаспектной проблематики в её неразрывном единстве¹. Отрадно, что логика структурного расположения материала чётко коррелирует с корневыми авторскими постулатами (в частности, относительно каталогизации оснований для оспаривания сделок должника).

В контексте поставленных диссертантом (с учётом избранной тематики) целей и задач работы (с. 7-9) методологически выверенным является первоочередное обращение к базисным аспектам недействительности сделок несостоятельного должника (*глава первая*). Так, глубокому и гармоничному раскрытию заявленной проблематики способствует вводное изучение общих вопросов касаясь понятия сделки (для чего автор выделяет и кратко разбирает получившие широкое распространение доктринальные дефиниции сделки), правовой природы недействительной сделки (здесь на «авансцену» обоснованно выдвигаются вопросы о допустимости признания недействительных сделок в качестве юридических фактов, а равно их трактовки как правомерных действий или правонарушений; удачной при этом кажется систематизация сложившихся в науке подходов по названным дискуссионным аспектам), истории возникновения и сущности диффе-

¹ Подвергнем, однако, критике название гл. 3 диссертации с точки зрения набора исследуемых в ней тематических блоков (ибо название данной главы почти идентично названиям только *двух из трех* параграфов).

рениции недействительных сделок на оспоримые и ничтожные (среди прочего, автор небеспричинно указывает на то, что прообраз деления порочных сделок на ничтожные и оспоримые во многом стал результатом противопоставления преторского и гражданского права (с. 25-26)), места сделки в системе юридических фактов (серьёзный интерес, конечно, представляют рассуждения по поводу сделочной или иной квалификации действий по исполнению обязательства, составляющих особый сегмент юридических фактов, «вовлечённых» в орбиту влияния норм об оспаривании сделок несостоятельного должника), правовых последствий недействительности сделки (при этом предметом внимательного анализа логично становится вопрос о значении добросовестности кредитора для целей применения негативных последствий недействительности). Не вызывают «сопротивления» суждения том, что правомерность есть конститутивный элемент действительной сделки (в противоположность правонарушению) (с. 20), что оспоримую сделку уместно характеризовать как условно действительную сделку (с. 27), что затруднительно отыскать материальное основание деления сделок на ничтожные и оспоримые (хотя, заметим, утверждение об отсутствии у научного поиска на сей счёт «практической пользы» (с. 30) кажется излишне категоричным), что не только действительная, а и недействительная сделка способна привести к определенному правовому результату (с. 30), что использование обобщающего понятия «правовые действия» в рамках института оспаривания по законодательству о банкротстве маловероятно (с. 36). Ценность усматриваем в рубрикации оснований для оспаривания сделок должника на порочащие и не порочащие кредитора (с. 38); при этом автор полагает, что «...санкции по отношению к лицам, участвовавшим в совершении подозрительной сделки, вполне уместны», в отличие от ситуации со сделками с предпочтением (с. 41).

Привлекает повышенное внимание обстоятельное изучение автором проблем классификации недействительности сделок при банкротстве (с. 42 и далее) и тесно связанный с этим аналитический обзор теорий недействительности – деликтной, легальной, исполнительной силы и пр. (с. 45 и далее). Полностью согласны с тем, что «нормы об оспаривании сделок ... поддаются влиянию действующей модели правового регулирования несостоятельности, меняются в соответствии с общей тенденцией развития банкротного законодательства» (с. 42). Полезной и теоретически оправданной представляется группировка неправомερных сделок на сделки по выводу активов должника, сделки по созданию искусственной задолженности должника и сделки общей противоправности, что, наряду с прочим, позволяет актуализировать вопрос исследования почти «забытых» законодателем сделок по созданию искусственной кредиторской задолженности (см. с. 44, а также 1-ое положение, выносимое на защиту). Наконец, здравым считаем вывод о том, что использование исключительно одного – субъективного или объективного – концепта при формировании законодательства о банкротстве в части опровержения сделок «...неизбежно приведет к потере баланса интересов...» (с. 49).

Грамотно и иллюстративно показаны в диссертационном труде истоки конкурсного процесса (но, что ценно, в разрезе исследуемой тематики, без неоправданного «увода» к не относящимся к теме аспектам) и генезис зарубежного (на самых ранних этапах) и отечественного законодательства об оспаривании сделок

должника при банкротстве (с. 51 и далее). Анализируя источники римского права (предложившего, по небезосновательному утверждению диссертанта, «...далеко не самые эффективные рецепты») и их доктринальные интерпретации (правда, цитирование некоторых авторов оказывается чрезмерно большим – см., к примеру, с. 53-54), автор сосредоточивает усилия на осмыслении сущности и функционального назначения Паулинова иска, его соотношения с иными охранительными инструментами; в итоге делается довольно убедительный вывод о том, что «римское право предложило систему оспаривания актов, совершенных во вред кредиторам, основанную на субъективном критерии...» (при этом дается общая негативная оценка такого подхода в плоскости действенности защиты кредиторов) (см. с. 56); любопытно, что иная картина наблюдалась в средневековой Италии, ставшей «родиной» объективной теории (с. 57).

Исторический экскурс по вопросу об эволюции российского законодательства, посвящённого оспариванию действий, произведённых в ущерб интересам кредиторов, рационально начинается с констатации несовершенства дореволюционной нормативной базы на данный счёт (по меткому выражению Г.Ф. Шершеневича, это – «больное место» русского законодательства (с. 57)) и продолжается беглой характеристикой главных положений законов о банкротстве 1992 г., 1998 г. и 2002 г. (при этом, в частности, в работе верно указывается на то, что «действовавшее ранее законодательство не позволяло эффективно признавать недействительными сделки, направленные на реализацию имущества должником незадолго до введения процедуры банкротства» – с. 61).

Вторая глава охватывает разноплановую и сложную проблематику оснований оспаривания сделок несостоятельного должника. Сообразно результатам проделанной в первой главе таксономической работы, автор фиксирует и скрупулезно разбирает конкретные «причины» инвалидации, центральное место среди которых, несомненно, занимают основания, направленные на вывод (уменьшение) активов несостоятельного должника (с. 63 и далее), причём диссертант вновь, отмечая достоинства и недостатки объективного и субъективного концептов, резонно подчёркивает, что одновременное их использование, «...учитывая цели и задачи процедуры банкротства, является наиболее удачным решением» (с. 64 диссертации).

Применительно к подозрительным сделкам (коими являются сделки с неравноценным встречным предоставлением и сделки, нацеленные на причинение вреда имущественным правам кредиторов) весьма актуальными и, в целом, продуктивными представляются изыскания по поводу их соотношения с притворными сделками (с. 66-67), внедрения в отечественное законодательство института *laesio enormis* посредством моделирования нового понятия «обычный рыночный дисконт» (см. с. 68-69, 2-ое положение, выносимое на защиту) (что, как минимум, позволит снизить «градус напряженности» при квалификации встречного предоставления как неравноценного и оправданно выведет из сферы правовой регламентации п. 1 ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» сделки, совершаемые в рамках обычной хозяйственной деятельности), разумности временных границ периода подозрительности (с. 70-71), разграничения основного (атрибутивного) и дополнительного признаков при выявлении противоправной цели в действиях должника (с. 75), контента понятия «за-

интересованное лицо» и способов его нормативного воплощения (согласимся при этом с критикой существующего нормирования в ст. 19 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (с. 80, 4-ое положение, выносимое на защиту)).

Немало интересных выводов и пожеланий содержится в разделе работы, посвящённом сделкам с предпочтением. Особо подчеркнём серьёзность анализа критериев квалификации актов в качестве такого рода дефектных сделок (с. 84 и далее), сопровождающегося детальным раскрытием предмета доказывания по каждому основанию. Помимо прочего, поддержим автора в том, что, по большому счёту, к преимущественному удовлетворению или изменению очередности удовлетворения требований кредиторов способны привести такие обеспечительные меры, как залог и удержание (см. с. 92 и др., 5-ое положение, выносимое на защиту).

При рассмотрении второй группы оснований оспаривания сделок должника (не нашедших, к сожалению, зримого законодательного отражения, несмотря на их очевидную опасность), сопряжённых с искусственным созданием кредиторской задолженности, диссертант последовательно изучает «неблаговидные» цели формирования такой задолженности (инициирование банкротства через аффилированные структуры, получение максимального контроля над процедурой банкротства, формирование приоритетной задолженности и пр. – см. 6-ое положение, выносимое на защиту), нормативный инструментарий, используемый для признания соответствующих сделок недействительными (ст. 10, 168 и 170 ГК РФ), обстоятельства, которые могут убедительно свидетельствовать о фиктивности сделки (отсутствие реальной возможности осуществления поставки, выполнения работ или оказания услуг; несоответствие предмета сделки фактическим видам производимой деятельности и т.д.). Всяческого одобрения, в частности, заслуживают заключения о необходимости (для реальной борьбы с потенциальными злоупотреблениями) при определении режима погашения требований кредиторов принятия в расчёт не только даты возникновения обязанности по оплате, а и момента фактического выполнения работ или услуг (с. 112; 7-ое положение, выносимое на защиту), а равно о закреплении на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ перечня обстоятельств, указывающих на злоупотребление должником правом (неисчерпывающим образом), что, бесспорно, «...существенным образом упорядочит процедуру признания искусственных требований к должнику недействительными...» (см. с. 120 и 122, 8-ое положение, выносимое на защиту).

Разумеется, не исключается и использование оснований оспаривания сделок должника т.н. общей (универсальной) противоправности (с. 123 и далее); подобное словесное обозначение фундируется на тезисе, в соответствии с которым названные основания применимы к сделкам как должника-банкрота, так и лица, не признанного несостоятельным (с. 123). Наибольший «удельный вес» в данной части диссертационного труда небеспричинно занимают размышления касательно условий действия оснований, предусмотренных ст. 173.1 и п. 1 ст. 174.1 ГК РФ. Резюмирующее значение имеет вывод о том, что «общие» основания (ст. 169-179 ГК РФ) в основном важны для лиц, не являющихся участниками дела о банкрот-

стве и оспаривающих сделку в общем порядке (т.е. в рамках иска в отдельном производстве) (с. 130).

В заключительной – *третьей* – главе предметом разбора становятся, прежде всего, процессуальные аспекты оспаривания сделок должника, включая вызывающий полемику вопрос о круге лиц, уполномоченных на такое оспаривание (с. 131 и далее). Автор показывает палитру научных взглядов (а равно трансформацию законодательных решений) касательно обоснованности введения запрета на инвалидацию совершенной должником сделки по инициативе:

а) временного и административного управляющего (присоединимся к заключению Д.А. Рыкова о том, что «...отсутствуют достаточные основания для предоставления [им] ...права оспаривать сделки..., совершенные до возбуждения производства по делу о банкротстве» (с. 132));

б) кредиторов – с точки зрения их количественного и качественного состава (поддержки здесь заслуживает установка, исходя из которой соединение (аккумуляция) требований кредиторов в полной мере корреспондирует целям конкурсного производства (с. 134));

в) прокурора (при этом диссертант, полагаем, абсолютно прав, когда высказывается за сохранение существующего подхода к роли прокурора в деле о банкротстве, поскольку он позволяет, с одной стороны минимизировать нагрузку на органы прокуратуры и судебной власти и, с другой стороны, обеспечить соблюдение публичных интересов (с. 137));

г) работников либо бывших работников должника (авторские рассуждения о том, что наделение данных субъектов самостоятельным правом на обжалование преждевременно, сейчас имеет смысл вести речь лишь о предоставлении представителю работников должника права внесения предложений в повестку дня собрания кредиторов в части оспаривания сделок (с. 138; 9-ое положение, выносимое на защиту), кажутся взвешенными и органичными).

Совокупность процессуальных аспектов оспаривания сделок должника образует, в авторской логике, тот или иной механизм конкурсного оспаривания (с. 157). В диссертационном труде выделяются и раскрываются три ключевых механизма (с. 138 и далее) – оспаривание юридических действий: а) в рамках отдельного иска в деле о банкротстве; б) в общегражданском порядке; в) в формате установления требований кредиторов в деле о банкротстве (см. 10-ое положение, выносимое на защиту). Сбалансированными и приемлемыми, в частности, стоит признать рекомендации по поводу корректировки разъяснений высших судебных инстанций в плане экстраполяции правил о порядке рассмотрения требований арбитражного управляющего на случаи заявления требований конкурсными кредиторами (с. 140-141) (это, действительно, будет способствовать формированию стабильной и единообразной судебной практики), вывод о целесообразности предоставления права на возражения по специальным основаниям порочности сделки только на той стадии, на которой «присутствует» процессуальная возможность обращения с отдельным негационным иском (с. 144).

Финальным для исследования в диссертации оказывается вопрос об общих и специальных последствиях инвалидации сделки «в приложении» к делу о банкротстве (с. 144 и далее). Автор, среди прочего, размышляет относительно темпоральных параметрах соответствующего реституционного обязательства (соли-

даризируясь с мнением А.Э. Циндяйкиной о том, что оно возникает с момента передачи имущества по дефектной сделке), приводит весомые доводы в пользу расширения применения практики т.н. «сальдо-взыскания» в качестве последствий (ибо, в самом деле, «...в таком случае риски дальнейшего возврата имущества для добросовестного приобретателя в значительной степени уменьшатся...») (с. 150)), конкретизирует нетипичные последствия недействительности сделок должника, стимулирующие кредиторов к добросовестному поведению (с. 150-153).

Диссертационный труд, как и почти всякая научная работа, в которой затрагивается сложная (многогранная) проблематика, не лишен **дискуссионных моментов и замечаний**. Считаю важным акцентировать внимание на следующих положениях.

1. Обсуждая проблематику круга действий должника, подлежащих оспариванию по специальным правилам законодательства о банкротстве, автор, естественно, не мог обойти стороной вопрос о правовой природе действий по исполнению обязательств (см. с. 31-36). Вместе с тем, не вполне прояснённой является позиция диссертанта в части того:

а) по какому критерию следует проводить размежевание действий-сделок и действий несделочной природы (так как, к примеру, мытьё пола, небесспорно не признаваемое автором в качестве сделки, всё-таки оказывает известное правопрекращающее влияние на динамику гражданского правоотношения, тогда как данному влиянию в работе придаётся «статус» квалификационного фактора (см. с. 32));

б) имеется ли потребность в едином обобщающем понятии для обозначения различных юридических фактов, не являющихся сделками, и если да – то может ли автор озвучить своё пожелание.

2. На взгляд Д.А. Рыкова, обстоятельства смены места жительства, а равно места нахождения должника непосредственно перед совершением сделки или сразу после её совершения не должны служить основанием для суждения о противоправной цели должника, вследствие чего данный «...признак не может быть использован в качестве презумпции цели причинения вреда имущественным правам кредиторов» (см. с. 76-77, 3-е положение, выносимое на защиту). Между тем, универсальность приведённого подхода (реализация которого, кстати, предполагает корректировку законодательства) вызывает определенные возражения, учитывая, в частности:

а) типичность использования недобросовестным должником схем со сменой места нахождения (жительства) для затруднения надлежащего взаимодействия с кредиторами;

б) презумптивность, а не безусловность обсуждаемого законодательного предписания и, сверх того, наличие в нём оговорки об изменении места жительства (нахождения) *без уведомления кредиторов* (т.е. смена адреса как таковая юридически безразлична);

в) «привязку» места нахождения (в отличие от адреса юридического лица – см. ст. 54 ГК РФ) к *населённому пункту*, а не к конкретному адресу (по причине чего авторский пример с вынужденным переездом организации из центра города на его окраину представляется не совсем удачным).

3. Констатируя, что удержание является обеспечительной конструкцией, влекущей установление привилегированного статуса для кредитора в процедуре банкротства, автор указывает на возможность оспаривания действий по удержанию с «опорой» на ст. 61.3 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (см. с. 88-91, 5-ое положение, выносимое на защиту). Оставляя «за скобками» момент небесспорности приведённой интерпретации (тем более, что в работе показывается разнообразие взглядов на данный счёт), подчеркнём необходимость дополнительного пояснения некоторых аспектов:

а) идёт ли в рассматриваемой ситуации речь о применении предписаний закона (по-видимому, ст. 360 ГК РФ) *непосредственно* или в порядке *аналогии закона* (памятуя, помимо прочего, о том, залог и удержание вещи, – хотя и близкие, но самостоятельные способы обеспечения исполнения обязательств);

б) какова *природа* и в чём состоит *содержание* подлежащего оспариванию «действия кредитора, направленного на обеспечение ранее возникшего перед ним обязательства должника».

4. Несколько поверхностно, думается, в работе исследуется вопрос о качественном составе требований конкурсных кредиторов в ракурсе того, когда – до или после совершения оспариваемой сделки – должны возникнуть требования кредиторов (см. с. 134-135); диссертант, представляя обзор полярных мнений по данной проблеме, «уклоняется» от эксплицитного обозначения *собственного* видения. Аналогичное критическое замечание может быть сделано и в отношении изучения проблемы точного определения другой темпоральной характеристики – даты принятия заявления о признании должника банкротом в неординарной ситуации, «...когда дело о банкротстве возбуждается на основании одного заявления, а сама процедура банкротства вводится на основании последующего заявления» (с. 71).

Указанные замечания совершенно не умаляют общего положительного впечатления от проделанной соискателем работы.

Диссертационный труд написан автором самостоятельно, обладает **внутренним единством** (выводы корреспондируют друг другу и т.д.), содержит целый ряд новых научных результатов и положений, выдвигаемых для публичной защиты (при этом даются рекомендации по использованию научных выводов, прежде всего, в законотворчестве и правоприменительной практике), и неоспоримо свидетельствует о **личном творческом вкладе автора в науку** гражданского и предпринимательского права. Предложенные автором решения, имеющие теоретическую и прикладную значимость, хорошо аргументированы (обоснованы) и оценены по сравнению с другими известными решениями. Научный аппарат работы – достаточен.

Основные научные **результаты диссертации опубликованы** в 10 научных работах (из них 6 статей содержатся в рецензируемых научных изданиях).

Таким образом, по результатам изучения диссертации (в виде рукописи), автореферата диссертации и опубликованных работ по теме диссертации можно уверенно утверждать, что **диссертация** на тему «Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты», выступая науч-

но-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки гражданского и предпринимательского права, и изложены новые научно обоснованные решения и разработки, имеющие существенное значение для законодотворчества и правоприменения, *соответствует критериям, установленным к кандидатским диссертациям в п. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней* (утв. постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842), а её автор – *Рыков Дмитрий Александрович* – *заслуживает присуждения учёной степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.*

Официальный оппонент:

кандидат юридических наук
(по специальности 12.00.03), доцент,
доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего
образования «Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королева»
(Самарский университет)
(почтовый адрес организации – 443086, г. Самара,
Московское шоссе, д. 34;
телефон – (846) 335-18-26;
адрес электронной почты – ssau@ssau.ru)

**Поваров
Юрий Сергеевич**

12 апреля 2019 года

